
Графский сынок
Путь от боли к величию
Любовь • Предательство • Сила • Победа

Бехрузбек Шодмонбеков

Графский сынок

https://litres.ru/74761133
SelfPub; 2026

Аннотация

Он привык, что весь мир у его ног. Избалованный наследник графского рода, для которого жизнь была лишь игрой. Но одна роковая глупость перечеркнула всё. Лишившись титула, богатства и имени, он рухнул на самое дно. Чтобы подняться оттуда, ему придется забыть о прошлой роскоши и выгрызать свое место под солнцем кровью и потом.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	24
Глава 11	27
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	34
Глава 15	36
Глава 16	38
Глава 17	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Бехрузбек Шодмонбеков
Графский сынок

Глава 1

Однажды, в день моего шестнадцатилетия, мой отец — граф Себастьян Арген — созвал в Равенштайн все знатные семьи. В тот вечер в нашем особняке устроили бал в честь моего рождения. Я — сын графа, Люциан Арген. Наш особняк возвышался в самом центре Равенштайна, и с его балконов открывался вид на весь город. Справа тянулись кварталы знати — роскошные, освещённые огнями, полные золота и власти. Слева — тени, где жили те, кто служил нам. Музыка, смех, звон бокалов… всё это сливалось в один бесконечный шум, который я с детства не выносил. Устав от него, я вышел на балкон. Вечер был тихим. Ветер мягко скользил по травам, и в лунном свете на них сверкали крошечные росинки. Я посмотрел вдаль. И тогда я увидел её. На холме, неподалёку от города, под серебряным светом луны стояла девушка. На мгновение мне показалось, что это принцесса, сошедшая со страниц древних легенд. Она стояла у яблони и смотрела на звёзды, словно принадлежала не этому миру. Ветер подхватывал её чёрные волосы, и они развевались в ночи, будто тёмное пламя. Когда я увидел её, моё сердце за-

билось бешено. Её голос, её волосы заставили позабыть все хлопоты, которые были до того момента. Мои глаза видели её и ничего больше не видели. Мои друзья, заметив, что я застыл на балконе, переглянулись. — Ты это видишь?.. — тихоспросил один из них. Они подошли ближе и стали всматриваться вдаль, пытаясь понять, что могло так захватить мой взгляд. Это были Увиэл и Джон — мои ближайшие друзья. С самого детства мы были неразлучны: вместе росли, вместе нарушали правила, вместе смеялись над теми, кто был ниже нас по положению. За все шестнадцать лет они знали меня лучше, чем кто-либо. И единственное, что когда-либо могло так надолго приковывать мой взгляд, — это были рассказы о драконах и сражениях, о клинках и славе. — Только не говори, что ты опять вообразил себе дракона… — усмехнулся Джон, всматриваясь в темноту. — Но на этот раз я молчал. Потому что то, что я видел сейчас… было куда реальнее любых легенд. — Почему молчишь? — спросили они с недоумением. — Да… так, — ответил я и отошёл с балкона, возвращаясь к веселью. После бала все были изнурены и быстро уснули. Мои друзья и я спали в одной комнате. Моя комната мало чем отличалась от зала короля нашей страны: высокие потолки, роскошные шторы, картины и статуи, отражающие свет свечей. Друзья, уставшие от праздника, уснули первыми, а я… не мог. Каждый раз, когда я закрывал глаза, я вспоминал её. Вспоминал, как красиво она стояла у яблони, как тихо любовалась звёздами. И её голос… Он был настолько

чистым и нежным, что казалось, ветер сам донёс его до меня, пробирая сквозь стены и сон. Я слышал каждое слово, каждую ноту, и сердце моё не находило покоя. На следующий день и последующие дни она не уходила с моей головы, но я не хотел признать, ведь как это я, Люциан Арген, сын влиятельного графа Равенштайна, мог влюбиться в простушку? Я пытался забыть. Мы в тот день решили с друзьями пойти погулять и пошалить, как всегда в обычных днях. Мы обижали низших людей, забирая у них всё и гадя. Но я почему-то не смог, как обычно, веселиться. Джон и Уильям спросили: «Люциан, ты сегодня какой-то не такой, как все». А я отмазнулся тем, что не выспался, и всё. Ведь после того момента я и глаза сомкнуть не смог. И так каждый день. И меня самого это начало настораживать, ведь я обычно так не веду себя. Поэтому решил найти эту простушку и выкупить её. Если деньгами не жадничать, принесут мне её как на блюдечке, — подумал я. Вечером поговорил с отцом, сказав, что хочу рабыню и что сам выберу. Отец, хоть и был занят, организовал мне это. И слуги привели рабынь, и каждая из них пыталась представить своих дочерей, чтобы подняться в глазах, блестели и отчаянно пытались сделать это, но ни одна не приглянулась. Отчаялся я тогда, но те слуги так и не сдались, постоянно подсовывали мне своих дочерей в обмен на статус. А я был против, чтобы вышвырнули их с позором одних за других. И так каждый раз, пока мне не надоело, и сам решил лично пойти по кварталам. В знатной одежде и с

охраной — это только простых пугать. И попросил слугу по имени Джулия найти мне старые обноски для простых. Она легко нашла обноски эти. Они были грубые, воняли навозом и скотом, аж противно становилось, что блевать хотелось, но, как ни крути, это была моя идея, и пришлось одетьАх да, долго ещё крыло меня от этого запыха, что пришлось неделю привыкать, а Джулия засмеялась от моих эмоций.

Глава 2

Следующий день. Люциан и Джулия выходят впервые на квартал бедняков. Я хоть немного привык к этим обноскам, что даже мои питомцы не одевают. Выйдя туда, первым делом я попросил Джулию спрятать меч и прошлись по этому кварталу. Но, проходя мимо бедняков, почему-то они побаивались меня и проявляли почтение. И я не выдержал и спросил у неё: «Что во мне не так? Я оделся как они, и ты тоже. Что не так?» А она с усмешкой намазала моё лицо навозом, сказав: «Теперь вы очень похожи». — Эй, знай своё место! — сказал я с грубостью. И она успокоилась и сказала: «Господин, так выглядят все бедняки». Я сразу успокоился. Джулия была лучшей подругой и верной прислугой для Люциана, и они почти всегда были вместе. Они были ровесники. Джулия в тайне от Люциана любила его тайно и молча была рядом, даже тогда, когда он был зол, но Люциан об этом не знал. Люциан был в шоке, как много он не знает о такой жизни, но, не выдержав, прибежал домой плакаться отцу. Люциан, задыхаясь, вваливается в кабинет отца. На его когда-то холёном лице запекся навоз, элитная одежда спрятана под слоями зловонных лохмотьев, а в глазах — отражение того ужаса, который он увидел на улицах Равенштайна. Он ожидал сочувствия, ждал, что отец подтвердит его страхи или хотя бы объяснит, почему мир так несправедлив.

Глава 3

Но вместо слов отец — граф Себастьян — медленно поднимается из-за своего массивного дубового стола. В комнате повисает звенящая тишина. Он подходит к сыну, и в его взгляде нет ни капли жалости — только ледяное разочарование. — Ты... ты пришёл ко мне вот в таком виде? — голос отца низкий, вибрирующий от гнева. Люциан открывает рот, чтобы что-то сказать, чтобы выплеснуть то, что у него на душе, но не успевает. Удар. Тяжёлая рука графа впечатывается в лицо Люциана, сбивая его с ног. Люциан падает на ковёр, чувствуя вкус крови во рту. Он поднимает глаза на отца, ожидая увидеть хоть тень сожаления, но видит лишь стену из камня. — Ты — Арген, — чеканит каждое слово отец, возвышаясь над ним, как карающий бог. — Твоя кровь течёт от королей, а ты ползаешь в грязи, словно безродная собака. Ты позоришь свой титул, позоришь мой род. Если я ещё раз увижу на тебе это тряпье, если ещё раз узнаю, что ты путаешься с отребьем... Граф наклоняется к самому лицу сына, его голос становится шепотом, от которого мороз по коже: — Запомни, Люциан: графам не подобает «сожалеть». Графы либо повелевают, либо уничтожают. Больше ты не смеешь подходить к тем кварталам. Ты — сын графа, и ты будешь вести себя подобающе, или я сотру твоё имя из хроник нашего рода так, будто тебя никогда не существовало.

После жёсткой пощёчины отца Люциан ворвался в свои покои. Щека горела, а внутри всё кипело от унижения. Не выдержав, он сорвал скопившуюся злость на подвернувшихся слугах.Джулии это было глубоко не по душе, но она не посмела сказать и слова, упрекнуть его или хотя бы подняться с колен. Она знала: если она потеряет это место, то потеряет всё. Ей были до смерти нужны эти деньги, чтобы спасти свою больную мать, которая медленно умирала, а дорогие лекарства могли позволить себе только богачи вроде Аргенов. Заметив её взгляд, Люциан немного остыл. В этот момент на шум в комнату тихо вошла мать Люциана. Она мягко подошла к сыну, обняла его и усадила рядом, положив его голову к себе на колени. Графиня нежно гладила его по волосам и тихо шептала: — Сынок, ты справишься. От этого материнского тепла Люциан окончательно успокоился, но слёзы брызнули из глаз ещё сильнее. Он расплакался, утыкаясь в её платье, и тихо заговорил о том, что накопилось на душе после похода в трущобы: — Мама, если бы ты знала, как там тяжело… Тяжело просто дышать этим навозом… Мать внимательно посмотрела на него, но не стала разводить сопли. Её взгляд стал строгим и твёрдым: — А ты думал, это так просто? — спросила она. — А ну встань и будь сильным! Ты со всем справишься. Она уверенно подняла его за плечи, и эти слова мгновенно вернули Люциану былую гордость и стальную уверенность в себе.

Глава 4

Всю ночь Люциан лежал в темноте, уставившись в потолок, и прокручивал в голове слова матери. Внутри него раскалённая злость постепенно сменялась ледяной трезвостью. Он удивлялся сам себе: насколько же он был глуп! Как он мог не догадаться, что на дне города всё именно так? Мир бедняков не обязан был встречать его ковровой дорожкой. «Никто не заставлял меня идти туда, — думал Люциан, сжимая простыни. — Это был мой выбор. Я сам захотел этого, а теперь скулю, как побитый пёс, из-за какого-то запаха». Стыд за свою минутную слабость обжёг лицо сильнее отцовской пощёчины. Но с этим стыдом пришло и решение. Спесь ушла, уступив место холодному упрямству. «Ну всё, — оборвал он свои мысли, когда за окном начали брезжить первые лучи рассвета. — С завтрашнего дня я начну всё заново. Я буду терпеть. Буду молчать и наблюдать. Как настоящий сын графа Равенштайна». Утро было как обычно обыденно. С утра ко мне врывались музыканты и будили меня. С самого утра еда как всегда роскошна, одежды красивы, всегда и повсюду блестящая чистота. Но я не проснулся так просто, и музыкантам пришлось будить уже по-другому. Доложив отцу, они ушли из этой комнаты. Как только я подумал, что всё, отец зашёл и сказал: «Подъём, сына, пора приступать к делам», — и вышел из комнаты. Одного его слова было до-

статочно, чтоб я встал, ведь иначе он лишит меня денег, — подумал я и встал как солдатик. Отец сказал, уходя: «Тебя ждёт во дворе твой учитель по военному искусству, Сир Рауль, по прозвищу "Старый Пёс"». — «Ну опять...» — возразил я в своей голове, но пришлось идти. Куда деваться? Рауль — старый друг и главный маршал графа, моего отца. Они вместе пережили немало боёв, и он уже успел поднатаскать меня. Ведь, как ни крути, уже с 12 лет он тренирует меня. Вообще, мне ещё с 5 лет стало всё это интересно, но тогда они меня, конечно, ещё не учили. А вот с 12 лет Рауль начал обучать меня по-настоящему.Когда я пришёл к Раулю, он был как никогда настойчив и требователен. Начали мы с пробежки вокруг нашего особняка с мечом на спине. Особняк наш был огромен, как два квартала бедных, но замок стоял совсем близко к ним. Бежать начали мы сразу. По дороге я бежал, но даже там был в раздумьях, но быстро собрался и ускорился, а Рауль побежал за мной, пытаясь меня цапнуть. Подумав, что это обычный бег, я расслабился. Как «Старый Пёс» устроил мне жесткую подлянку — капкан! Капкан был необычный — он замедлял меня тем, что прицепился к моей ноге, как клещ. Но меня не так-то просто взять! Я сдернул его с ноги и побежал дальше. Рауль с восторгом посмотрел на меня и продолжил бежать следом.

Глава 5

Придя во двор, мы начали саму тренировку. Я неплохо держался, но из-за задумчивости пропустил удар. Рауль расстроился, остановился и спросил: — Луцик, ты чего раскис? В последнее время сам не свой. Что-то случилось? Неужели влюбился? — сказал он, подколов меня. Но я возразил холодно: — Ты опять начал? Не твоего ума дело, — бросил я. Это привело ко второй пощёчине — уже от него. А отец, смотревший со стороны, даже не возразил такому удару. Он только унизил меня тем же самым, поддержав Рауля. Я был в ярости от такой выходки, вторая щека горела, как фонарик. Я схватил свой меч и побежал на Рауля. А он и бровью не повёл. Мы начали поединок. Рауль чувствовал, как во мне кипит кровь, поэтому молча отбивался. И как только я остыл, он, сразив меня, сказал слова, которые крепко засели в моей голове: — Люцик, запомни: на гневе великим не станешь. Если не сможешь обуздать гнев — тебе не видать силы. Сказав это, он покинул двор. И почему-то дома меня не осудили, я не получил пощёчину, как раньше, когда срывался. И это сразило меня больше всего. Уж лучше бы меня ударили, чем такой холод. Но возразить я не посмел, ведь сам заварил эту кашу. Почему-то в тот момент вокруг стало необычайно тихо. От этой тишины был слышен каждый мой вздох и бешеное биение сердца в груди. Мне стало не по себе, и я

решил вместе с Джулией выйти в трущобы. В трущобах тоже была тишина, но здесь она приносила хоть какое-то облегчение и уважение. Идя по этим местам, я чувствовал себя свободнее. Но моя одежда пугала людей. К тому же я всё ещё был дико зол. «Неудивительно, что они пугаются», — подумал я. Лохмотья я искать не стал, ведь в своей одежде я чувствовал власть. Я шёл, высматривая местных, но так и не нашёл себе ни одну нормальную девушку. И тут Джулия прибегает ко мне, у неё горели глаза, и она сказала: «Господин, я узнала имя этой девушки, её зовут Изабелла, она дочь конюха соседей его отца, а оказалось, что они враги». Я шёл обратно домой, обиженный на весь мир. В голове крутилась одна мысль: мать меня поймёт. Но дома оказалось, что и мать теперь заодно с отцом. Отец строго запретил ей жалеть меня. Она всем сердцем хотела подойти и поддержать сына, но пойти против слова отца не могла.

Глава 6

Я сидел в своей комнате. Дома мёртвая тишина, мать не подошла, внутри всё горит от злости и унижения. И тут в его голове щёлкает: «Отец считает меня ничтожеством? Рауль говорит, что я слабак? А та девчонка — у наших кровных врагов? Да плевать я хотел на ваши запреты!» Опьянённый тем самым чувством власти, которое я поймал в трущобах, Люциан решает доказать, что он сам себе хозяин. Ночью я не смог уснуть. В ушах звенела удушающая тишина замка, а перед глазами стояло лицо матери, которая так и не подошла. Во мне снова закипела та самая ярость. «Изабелла... Дочь их конюха», — проносилось в голове. Страх перед отцом сменился диким, безрассудным упрямством. Если весь мир против меня, я пойду против этого мира. Наплевав на всё, я нацепил свой лучший графский камзол, взял меч и под покровом ночи сбежал из дома. Я направился прямиком к поместью наших заклятых врагов. Мне было плевать на опасность, я хотел лично найти Изабеллу. Пользуясь уроками Рауля, я скрытно перелез через их высокую стену и пробрался к конюшням. И там, в полумраке, у костра я действительно увидел её. Она была ещё красивее, чем на рынке. Она была 15-летней красоткой, что сразила меня с первого взгляда. Сердце бешено забилось в груди. Я сделал шаг вперёд, собираясь заговорить... — Ну привет, воришка, — раздался

холодный, чужой голос из темноты. В ту же секунду меня скрутили стражники вражеского графа. Я пытался драться, но их было слишком много. Меня позорно швырнули в грязь прямо перед Изабеллой. Я поймал её испуганный взгляд — вот она, ложная победа. Я нашёл её, но оказался в кандалах. На утро вражеский граф не стал развязывать войну. Вместо этого он решил максимально унизить моего отца. Меня, связанного как собаку, привезли обратно к нашим воротам на повозке с навозом. Отец вышел во двор. Рядом стоял Рауль, брезгливо поджав губы. Соседский граф с усмешкой бросил: — Забирай своего щенка, Люциус. Он ночью ползал у моих конюшен, как последний вор. Когда враги уехали, наступила самая страшная тишина в моей жизни. Отец смотрел на меня так, словно перед ним лежала куча мусора. В его глазах не было даже злости — только ледяное отвращение. — Ты опозорил наш род, — тихо, но отчётливо произнёс отец. — Ты пробрался к врагам ради девки и попался, как крыса. У меня больше нет сына. Он подошёл, сорвал с моей шеи фамильный кулон и заставил стражу снять с меня дорогой камзол. — Вон из моего дома. С этого дня ты никто. У тебя нет имени, нет титула и нет семьи. Если я ещё раз увижу тебя на своих землях — прикажу псам разорвать тебя. Меня вышвырнули за ворота в одних обносках. Тяжёлые дубовые двери захлопнулись. Я остался на грязной дороге абсолютно один — лишившийся всего, опозоренный, но теперь точно знающий, ради кого я должен выжить во что бы то ни стало.

Глава 7

Я шел по дороге, злой на весь мир. Злость выпирала наружу так, что все боялись меня, как черта. Шел по улицам высшей знати, пытаясь хоть к какому-нибудь другу напроситься. Думал, что они примут, но всё время слышал: «Пошел вон, псина! Простолюдин, мы таких не угощаем! Вон из моего двора!»Сжав кулаки в кровь, я ушел от них и присел у первого попавшегося вишневого дерева. Я уснул от бессилия и безысходности. Проснувшись утром, я увидел Джулию и по привычке сказал: «Принеси мне поесть немедленно!» Но быстро понял, что потерял такую жизнь, и изрыдался. Она всего лишь погладила меня по голове, сказав: «Господин, мы вместе всё преодолеем».В её словах всё еще чувствовался мой графский статус и жизнь, которую я потерял.— Хватит меня так называть, я уже не господин, мы одинаковы по статусу, — возразил я.— Поняла вас, господин, — сказала она.Впервые в её глазах я видел блеск и радость, но, чтобы не обидеть меня, она тщательно пыталась скрыть их. Но я знаю ее очень хорошо и быстро раскусил, однако не стал упрекать — пусть хотя бы она порадуется, подумал я, и мы пошли в лес.Неподалеку, рядом с бедными кварталами, всего в трех днях пути от нас, был лес. Обширные дубы и сосны были видны издалека. Она шла рядом, но именно сегодня стала еще внимательнее, чем раньше, вздрагивая от каждого шо-

роха и думая, что меня попытаются убить.Мы дошли до того леса за 3 дня хоть и мы шли быстрыми щагами я упал без сил от голода .Я не понял как упал но последнее что помню как плывёт мир вокруг меня и крик Джулии.Очнулся уже в лесу кругом был глухой лес в ночной глуши .Проснулся я от резкого запаха жаренной дичи но в голове промелькнула что мама приготовила ужин но увидел другую картину Джулия не по далеку от меня приготовила зайца . Я ел тогда как дикий зверь который не ел неделю но и одновременно с глаз лились слёзы. Видев как Господин есть Джулия решила отдать ему свою порцию наесться и уснули .Во сне мне снился беззаботный день в объятиях матери . Я видел маму и тепло ее рук так что я боялся что это сон и начал бормотать в слух . Мама! Мама я устал тут всё мрачно забери меня я устал тут холодно мама расплакался так что проснулся .

Глава 8

Проснувшись я увидел мрачный но уже светлый лес рядом лежала Джулия свернувшись в клубок от холода а теплая одежде или куча простынь ведь это и одеждой назвать нельзя но в тот момент было плевать она отдала мне его а сама мерзла всю ночь я встал и накрыл ее и пошел ловить дич сам.Я пол дня пытался поймать одного зайца но из за этого потерял драгоценный ножь в болоте нечего не поймав я вернулся в то место а Джулия уже поймала дич оказывается я был в шоке и спросил когда успела ? А она да так сказала и ухмыльнулась«Я с детства был избалованным отпрыском, привыкшим, что мир вращается вокруг моих прихотей. Когда мне было пять, отец привел меня в квартал простолюдинов, чтобы показать, как мы будем расширять наши владения. Мы собирались превратить их дома в наше поместье, не задумываясь о цене. Там, среди грязи и нищеты, я увидел картину, которая навсегда врезалась мне в память: маленькая девочка, Джулия, отчаянно кричала, пока её силой отрывали от больной матери, которая даже не могла подняться с постели. Она рыдала и проклинала всех богачей на свете.Я, как типичный "герой" своего времени, выкупил её. Тогда я был не лучше тех графов, что позже бросили её в темницу на потеху. Но когда я увидел, в какой ад её превратили, я вспомнил тот день в квартале. Я выкупил её снова — не как

вещь, не как подарок, а как человека.С тех пор мы росли вместе. Она видела во мне спасителя, а не владельца, и это изменило всё. Она всегда была на высоте: в детстве обходила всех пацанов в округе, а повзрослев — стала сильнее и выносливее многих мужчин. Она помнит каждое моё слово с того дня, и эта память превратилась в фанатичную преданность. Она до сих пор считает, что по гроб жизни в долгу у меня, и этот долг — её единственная правда».

Глава 9

Я ворвался в их строй, как выпущенная стрела. Первый разбойник даже не успел вскрикнуть — я онес ему плечо. Второй — третий — я рубил их, не разбирая лиц, не помня своего имени, не зная своей цели. Я был чистой яростью.Но главарь оказался хитрее. Он выждал момент, когда я, ослепленный гневом, остался без прикрытия. Пока я был занят местью, они навалились на Джулию: Она была истощена настолько, что едва держалась на ногах — ведь она ведь не ела и не спала нормально уже несколько дней, оберегая меня. Она попалась в их руки мгновенно.Главарь прижал её к грязным камням двора. Джулия, едва ворочая разбитыми губами прошептала мне через силу: — Бегите... спасайте себя, господин... я жизнь за вас отдам... бегите...Я дико оскалился. Он с силой вдавил свой грязный, вонючий сапог ей в рот, затыкая её. Раздался сухой, мерзкий хруст — её челюсть дрогнула под его весом. Этот звук пронзил меня острее любого лезвия, прошел сквозь сердце, выжигая всё, кроме боли.Главарь выпрямился, упираясь своей победой. Он видел мой меч, мою походку, мою выправку — и сразу понял, кто перед ним. Син графа Аргена. Золотая жила. — Бросай оружие, щенок, — прорычал он, глядя на меня с торжеством. — Сдавайся без боя. А теперь... веди меня к богатствам поместья. И тогда, может быть, твоя девка поживет еще пару ча-

сов.Я понимал, что это западня. Но ради Джулии я невольно согласился. Я медленно разжал пальцы, и мой клинок с лязгом упал на землю. Я был сломлен внешне, но внутри меня медленно закипала ледяная сталь.Нас вели долго пешком, втаптывая в грязь, как грязных собак, при падениях из-за усталости. Чтобы не померели, лишь давали объедки, что остались после них. Я был очень зол от такого обращения ко мне, кровь в жилах вскипала, но ради Джулии я терпел до тех пор, пока из зверства не перешли все границы. Пока мы лежали на улице на цепи, как собаки, пришел один безмолвный мужик. Считая нас за добычу, решил потешать свои хотелки на Джулии. Крепко связав меня с деревом, он медленно начал приближаться к ней. В ее глазах я видел страх, но я ни разу не видел её в таком состоянии, но ничего поделать с этим не смог. С каждым его приближением мое сердце выло от ярости, зубы скрепели от злости, а он потешливо посмотрел на меня и сказал: «Ну что, графский щенок-гадёныш, каков ты граф, если свою девушку защитить не можешь?» Весь лагерь захохотал до смерти, которую я надолго ещё запомню.Джулия кричала, умоляя их прекратить, но ни разу не посмела произнести мое имя, боясь, что я натворю беду. Тот мужик, недооценив меня, уверенно подошел к ней, но из-за самоуверенности он потерял свой кинжал. Ее крик был слышен повсюду, от этого шока, не выдерживая, я вырвался из веревки, чем привлекли, взяв кинжал, пока они с грохотом потешались над ней, и зарезал горло тому

мужику. Смех сменился яростью, пока я попытался освободить ее, меня связали крепко. Развязать успел ее, но она почему-то не ушла, стояла смиренно, будто надежда никаких не осталось. Мои надежды на спасение рухнули, когда она не убежала. Меня начали избивать, навалились пятером, били, всю злость не сняв на мне. Джулия лишь могла еле дрожащим голосом сказать: «Оставьте его».Сам того не заметив, я вырубился, и последнее, что я видел, — это взгляд Джулии, из которого рекой текли слезы, с гордостью отрубилась, что спас её от них.

Глава 10

Очнулся я уже в углу леса, на отходах скота и отрубленных частях тел и скота. Проснувшись от испуга, вскочил, увидев себя в грязи. Голова сильно болела и ломала в суставах. По привычке позвал Джулию, но в ответ тишина. От испуга я начал искать её в грязи, думая, что её выкинули, так и не нашёл. Капли дождя стекали по моим щекам, смешиваясь со слезами. Я не понимал, за что со мной так поступила судьба, в чём я провинился. Пока я был занят местью, они навалились на Джулию: Она была истощена у теплого камина. Эх, вспоминал те беззаботные времена, сжималось всё в груди.Сначала статус и богатства, потом и Джулию — единственную, кто остался со мной даже после краха моего статуса. Слёзы лились ручьем, так что перебивали капли дождя, что капала на мое обмазанное навозом и грязью лицо. В этих местах когда-то пахло роскошью, а сейчас — навозом и грязью. Вонь стояла невыносимая, но боль от потери была сильнее.Вспоминая беззаботное время, когда я был графом, я вспоминал обещание, данное Ульяньом и Джоном: что, чтобы ни случилось, будем помогать друг другу. Не ждав ни минуты, я побежал на свой дом к ним, называя в казарма графа в Равенштайне. В 4 дня я бежал через луга в сторону знакомого квартала богатых. Добравшись, я упал у двери его дома в бессилии, не сумев даже постучать в его двор. На

следующий день я проснулся у двери своего друга и вышел найти в трупе. С мокрой надеждой, что он примет меня, постучал. но меня не пустит дворецкий, что следит за особняком. Потом я решил присесть там, требуя встречи с Ульяном. Так и просидел около недели. Спустя неделю лишь он вышел ко мне на встречу.— Уильям, это я. Люциан, как хорошо, что ты есть, они меня не пустили, наверное, не узнали, но это их работа, — сказал я.Но в глазах Люциана я не увидел ни сострадания, ни радости от встречи спустя полтора года с нашей последней встречи. Он холодно махнул рукой и кинул меня в тюрьму. Я подумал, что его отец просто не позволил ему впускать меня, конечно же, он же не узнал, подумал я, но что ж поделать — лег в углу сырой темницы в надежде, что завтра всё изменится.Но на следующий день вытащили меня в центр квартала для знати в Равенштайне и публично унизили меня, сказав: «Смотрите народ, какого скота я поймал — грязный, пахнущий навозом, растрепанный зверёк». — Я же твой друг детства, Люциан, помнишь же, Ульям? — сказал я в надежде, что он вспомнит это. — Не ра... — сказал Уильям, — он похож на моего друга, как там его... Люциана. Иди сюда, друг, — сказал, подал руку, как только я потянулся взять его руку, он оттянул меня так, что я упал носом в грязь.И боль пронзилавывывание тех, кто напоминал о падении. На ходу в окружении пришли отец и мать, я посмотрел на них с надеждой, сказав: «Мама», но в их глазах я прочитал лишь то, что они смотрят на обрёбка.

Сказав публично, что сына такого нет и он позор для предков, о котором вышвырнули на помойку с телами скота, что потом выбросят в лесу. В тот момент, как я оказался в том же месте, я потерял всё, все надежды рухнули.Я решил после этого сброситься с обрыва от безысходности. Я шел как живой мертвец, что потерял надежду на жизнь. меня унизили. Джулия мертва, что дальше мне делать, подумал я. Как только я захотел прыгнуть с обрыва, перед моими глазами промелькнул силуэт Джулии, в последний момент я сумел ухватиться за ветку молодой ели.

Глава 11

Поднявшись, я решил пошарить в одеждах своих и в заначках, что когда-то в детстве я прятал, когда был графом. Еле как выкопав маленький ящик, я открыл его. В нем были старые одежды и снаряжение, что дарили мне родители, но я не интересовался, и в одном из халатов, в маленьком кармашке — во внутреннем кармане на груди — я нашел письма. Это были письма Джулии, что она, оказывается, прятала в первые дни, как появилась, прятала она. В одном из них я прочитал такое, что повергло меня в шок: «Вот.....мой второй месяц жизни с господином, кажется, он не такой страшный, как я думала, спит так крепко, что храпит во всю комнату». — сказала она.На следующий день продолжается её запись: «Я, кажется, люблю господина, сама того не осознавая, влюбилась», — сказав, ухмыльнулась. «Он опять громко хранит у себя в постели. Господин каждый день пускает меня спать рядом, пускай и не в постели. Потому что его родители строгие. Но я благодарна ему от всей души, очень скоро именно с этим я смогу долечить свою мать», — сказала она, и на этом закончилась запись.Хоть эта запись старая, написана кориво, но в ней я чувствовал то тепло, что давала она, и от этого я начал громко, захлёбываясь слезами, орать так, что всех птиц распугал.Первые две недели я жил лишь на продажной за золото графской одежде: люди хоть и ни во что

меня не ставили, но покупали у меня эти товары. Проживая в обычной мухиной день в лесу проходил караван торговцев, увидев перед собой парнишку грязного до пяток, пахнущего навозом, они решили, что легко кинут на деньги. Когда я предложил им товары и снаряжение, они привязали к мнехи скакун и дали два серебряных. Я закипел от злости так, что перерубил их всех. Потом скрылся, забрав что мог утащить, и скрылся в лесу.На следующий день в одном письме из халата тех торговцев он узнал, что это письмо от самого короля, что они везли королевский заказ. Но решил отмахнуться.На следующий день на шорох тяжелых шагов я проснулся неожиданно. Неподалеку от меня были слышны шаги и крики людей. Оглянувшись, я увидел толпу срубных дворня со мной, за три шага с того места, где я прячусь, проходила банда наемников. Я раньше хорошо умел отличать наемников от благодарных рыцарей королевства. Их было под сотню, немало, но в лицах их не было страха или азарта, а лишь излишества. Наверное, что решили отправить целую шайку, — усмехнулся я.Я, смеясь, отшагнул в сторону так, что наступил на засохший куст, и тут решили проверить два наемника. Проверив кусты, решили войти туда. Я двоих грохнул без особого усилия, но то, что они не вернулись, мало команду остальных идти ко мне. Они окружили меня, но в их лицах не было страха или азарта, а лишь изумление. Наверное, они ожидали банду, а тут стою я — забавно, подумал я. И трое из них, обезоружив меня, поставили на колени. Подо

мной был свежий навоз, что оставили скоты. Во мне ярость так и выпирала, но я знал, что в одиночку их я не побежу, и решил сохранить самообладание. Они избили меня так, что еле ходил, оставив меня там умирать, пошли дальше, думая, что изничтожат врага глубоко в лесу. Через неделю, так и не найдя, ушли восвояси.Лежа там, в этом навозе, я чувствовал себя ничтожеством, и злость, и ярость так и выпирала, но я нашел в себе силы встать лишь благодаря словам Джулии, что она просила меня выжить когда-то, и письма её стали для меня топливом.В том самом разговоре тех разбойников я слышал, что Джулию продали те самые наемники с косами на шее. Оказалось, они на вершине наемников находятся, и они, потешавшиеся ее телом, продали ее в рабство, но про меня я так ничего и не слышал. Так и думал, что они ждали именно тех к косой, поэтому собрали такое войско. С этим стыдом и позором зародилась у меня идея: раз Джулию продали в рабство, то я во что бы то ни стало найду ее и выкуплю или выкраду.С полной надеждой на её спасение я начал путь разбойника. Но как только решил встать, я упал в бессилии, подкосились ноги.

Глава 12

Очнулся я в захудалом домике: пусть не такая мягкая кровать, но теплая. Проснувшись, я решил сбежать, отворив дверь. Я увидел снег — кругом были сугробы, и рядом стояла одна захудалая старуха. — Зайди домой, — сказала она и растопила печь.В ее словах впервые не было фальши, она заботилась обо мне все время моей отлучки. Первый вопрос, что я задал, был: где я, что случилось? На что она ответила: «Ох, сыночек, я видела тебя в грязи, весь вымотанный, без сознания. Тебя нашла моя внучка, игравшая неподалеку, принесла меня к тебе».«Смотри, помни парень, я вижу немецкий видеть, рыцарь», — подумал я и еле как дотащила до своей хижины. Ты, сыночек, пролежал 3 месяца, сейчас уже декабрь наступил, — сказав, она подала теплую еду, пусть и не роскошную, но он впервые ел теплую еду и расплакался.Увидев его слезы, пожилая женщина спрашивает: «Что случилось, тебя давно не кормили едой?» — сказав, она погладила по моей головке.Впервые от тепла я растаял и начал горько плакать. Перед глазами пронеслась целая жизнь, что была за последнее время. Но как только вспомнил про Джулию, я решил встать, но упал. — Не что же ты делаешь, сынок, тебе рано вставать, ты только пришел в себя, — сказав, усадила на место.Потом рассказала свою историю и историю этой девочки: «Меня зовут Алиенора, я жила

всю жизнь в бегах и пряталась в этом лесу, но однажды семью этой девочки убили забойничьячью отца, и тогда я решила взять ее под опеку. Ее зовут Катерина, 15 лет с того момента прошло, я подобрала ее совсем крохой, новорождённой. Ведь потом узнала, что она родилась в сентябре, в купоне написано было».Услышав это, я понял, насколько те люди, коих я считал лучшими, — самые худшие, что мне стало стыдно за свой графский титул, и решил не рассказывать им о себе как о графе. Я назвал себя Люцианом. Что родители умерли при набеге наемников, а родители были торговцами, и учился владеть мечом у отца, ведь путь торговцев сложен. Они почему-то решили не допрашивать меня.Каждый день, поправившись, я был сильным: помогал таскать воду с реки, колоть дрова, как обычно. А ночью меня мучали кошмары. Я просыпался глубоко ночью, читал то письмо и, представляя тех ублюдков, заставлял себя учиться драться заново. Каждый удар означал, что я найду Джулию и приближусь к мечте, и с полной болью, но с надеждой я тренировался всю зиму.Весной я решил добыть мясо, дабы проверить месяцы тренировок, и с трудом, обмазавшись грязью, к вечеру еле поймал кабана. Я шёл домой под закатом солнца, представляя, как радостно будет на лице Алиеноры, увидев мясо.

Глава 13

Но когда я зашел домой, увидел такую картину: мое письмо открыто лежит на столе, в руках Алиеноры нож и пристальный взгляд, с которым она смотрела на меня. — Я вылечила тебя, подняла на ноги, в дом свой пустила, ради чего? Алиенора, я, я... — сказал я дрожащим голосом, будто она тоже выгонит меня. — Я помогла оправиться раненому волку в овечьей шкуре, да? — сказав, приблизилась ко мне.Я от страха попятился назад и сказал: «Откуда вы это узнали?» А она ответила, что убираясь нашла Катерина: «А я-то думала, что ты в слезах просыпаешься и уходишь посреди ночи и машешь клинком», — сказала она и сократила расстояние.Я долго колебался, ведь она никто для меня, а цель для меня важнее, но потом вспомнил их истории, и мне стало стыдно ещё сильнее, и я решил рассказать ей правду. Я рассказал ей всё, что произошло за последнее время: как я из-за них попал в такое положение, через что я прошел, кого потерял, но про Изабеллу промолчал — ведь об этом ей не надо знать.Выслушав меня, она немного остыла, но ещё неделю молчала — была удушающая тишина. Спустя неделю они решили доверяться мне, но все равно побаивались меня. Но через месяц, поняв, что я безопасный, доверие начало возвращаться. Я продолжил: когда сильно больно, невыносимо, я выходил и оттачивал мастерство.Ближе к осени, когда в

очередной раз я приходил с охоты, я увидел, как в избу ворвались головорезы. Пусть они и не выглядели устрашающе, как те, у кого косы на шее, но для обычных людей они — страшная беда. Я попытался войти домой, мне преградили путь два разбойника, я с лёгкостью обезвредил их и вошёл внутрь. — Эй, ты! — сказал ещё один и накинулся на меня, а я его разрубил.Главарь их посмотрел и решил поступить хитрее: он взял за волосы девчонку и давай потешаться над ней, пытаясь использовать ее как салфетку. — Алиенора! — сказал, упав на колени. — Прошу вас, оставьте её, я отдам вам что угодно, но не ее, прошу вас! — умоляла она, но глава без колебания убил ее, сказав: «Отстань, старая».В этот момент меня передернуло от злости и страха, что вновь потеряю всё, я перерубил всех и направился прямиком к главарю, а он давай прикрываться ею и сбежал, поджав хвост. А Катерина давай плакать об утрате единственной, кто ее вырастила, и не хотела расставаться с ней, но времени больше не было — они могли прийти уже с новой подмогой, я взял и увел ее, пообещав, что отомстим за ее бабушку.

Глава 14

Прошло два года с тех самых пор. Катерина заметно повзрослела, научилась писать и читать. Каждый день она сидела в когда-то прячущемся месте, где мы с Джулией прятались. Я хоть поначалу грабил мелких разбойников так, что наловчился быстро, но позже мне попался крепкий орешек. Судя по знаку на шее, это были те самые наемники, что потешались над Джулией. Но они меня не узнали.Однажды я наткнулся на одну загадочную хижину, от любопытства я решил заглянуть, не подозревая, что попадаю в ловушку, которую они устроили для торговцев. — Босс! — прокричал один из них. — Приманка сработала.И тут я услышал уже знакомый голос — хриплый старый голос того главаря, что пленил нас. По лезвию его оружия я понял, что он до сих пор держит мое оружие при себе. Я в ярости разрубил несколько людей и подошёл к нему. С яростью вспоминая каждый стон и ор Джулии, а ему хоть бы хнык, даже не дёрнулся. Засмеяв меня, выкинул прочь, сказав: «Ха-ха, парень, а ты хорош, но ты не та добыча, кого мы ждали, уходи по-хорошему».Но я не ушел, продолжил атаковать и вырезать так, что он обратил на меня внимание и решил взять меня в свою команду. Поняв, что я в одиночку не справлюсь, я решил работать за достойную плату, конечно же. Я ему понравился настолько, что за пару месяцев взял меня в отдельный строй. Он был

стар уже, ведь с тех пор прошёл 5 лет, а я и не заметил, как уже исполнилось 21 год. Вместе выслеживали добычу и торговцев, а награбленное делили пополам, а меня не обделили. Хотя я уже поднялся хорошо со дна, и был кров, и одежда, и еда для нас двоих, но мной двигала месть. Но я решил отложить на потом: при свержении его я спрошу, а пока буду разведывать информацию о Джулии тайно от них.И так за два года я неплохо так прокачал навыки выживания, теперь еле пойманный кабан для меня стал лёгкой прогулкой.На следующий день в очередной охоте на торговцев я наткнулся на объявление, что разыскивается юноша, и я понял, что разыскивают меня, и я решил рассказать ему об этом, и он сказал, что буду ходить со шрамом их отряда и повязкой на голове, дабы закрыть голову.Я согласился, ведь готов ко всему ради Джулии. Не зря же я 2 года терпел их вопли, слова и оскорбления, — сказав, я сделал это. Каждый день мы охотились и охотились настолько, что я уже знал каждый куст и каждое дерево, где можно передохнуть. А Катерина выросла в красивую девушку.В один прекрасный день разбойники увидели ее неподалёку и решили поймать для продажи: так как я стал частью их команды, они сказали поймать ее и продать, а деньги оставить себе. Я сначала не придал этому значения, ведь это уже переходит все границы. Но вечером тайком я подслушал разговор о том, что в доме одного графа в конце самого Равенштайна сбежала девушка, с виду полностью напоминавшая Джулию.

Глава 15

Я всю ночь не смог и глазом сомкнуть, ведь я стоял перед выбором, кого спасти. С одной стороны — девушка, которая была преданна мне до конца, а с другой — та, которая стала моей сестрёнкой. И я решился на отчаянный шаг, ведь выбирать одну я не смог.На следующий день, одевшийся в совершенно другую одежду, прикрыв лицо, напал на них в их пути. Конечно же, не в лоб, как раньше делал, а спланированной атакой. Я использовал их же навыки против них, но более улучшенные, что они разу не видели. Думала, идеально всё получится, но не тут-то было. Они решили взять меня с собой, будто знали мой план, но такое невозможно, подумал про себя я, и ничего не смогло сделать.Я специально шел впереди, обезвреживая дорогу, чтоб не выдать себя. Но кажись, они что-то заподозрили. — Эй, парень, — грозно сказал вожак, — ты какой-то странный, ставишь странные ловушки и сам обезвреживаешь, неужели добычу себе забрать хочешь? Ух ты, малец-хитрюга, но мы оказались хитрюнее, — сказав, ухмыльнулся он.И я вздохнул с облегчением и решил придерживаться второго плана, что я придумал заранее. Я заранее тренировал рабов, что мы взяли, тренируя их за спиной их так, чтоб они были преданны лишь мне. Я научил всему, чему меня они научили, так что они вырастили под боком врага. На полпути их подрезала моя группа, нача-

лась жестокая схватка, но потерпели неудачу, а меня взяли с поличным.Избив меня по своим уставам, бросили вперёд, чтоб я расчищал дорогу. Отчаялся я сильно тогда, но что ж поделать. Пришёл туда как живой щит. Там были те самые разбойники, что убили Алиенору, и сразу меня узнали, сказав: «Ах ты гадёныш, ты оказывается отпрыск главаря с косой на шее, а я-то думал, уж больно ты силен для простолюдина. Но ничего, добычу я тебе не отдам!» — сказав, ринулись в бой.Я пятерых разнес и тем самым помог им продвижении, и они добили остальных, а снова сбежал поджав хвост. Увидев девушку, я обомлел: это оказалось не Джулия, но она очень похожая была. Но я был счастлив, что спас чью-то жизнь.Вернувшись домой, мне пришлось отрабатывать у тех разбойников, дабы заслужить прощение, и в взамен они дали добро оставить сестру в покое. Я невольно согласился, ведь это ради Джулии и сестрёнки. Но после того случая награды мне не полагалось, но в конце концов выгнали меня. Но я не отчаялся, ведь за все время я уже получил прозвище Кромсатель, но уже как одиночка. Спасал рабов, крал в плен богачей и превращал в рабов. В первое время было хорошо, но у всех есть свои кости в горле, не правда ли?

Глава 16

В один прекрасный день, когда я пошел в очередной раз на охоту, выслеживая оленя, я увидел объявление, что разыскивается дочь короля — принцесса, за неё обещали замок и её руки, но сначала я не придал этому значения. Если бы не тот случай с торговцами, что убил я вчера, то я бы не ввязывался с ними. Но меня поставили перед выбором: либо сгнить в тюрьме, либо спасти их дочь и стать знатным человеком. Гнить в тюрьме никто не хочет, поэтому пошел спасать принцессу. Первым же делом я взял под прицел главарезов с косой на шее, сказав, что я был среди них и они вполне могли это сделать. Перебив их, так и не нашли принцессу. Хоть и король дал мне солдат, они относились ко мне как к скоту.Я решил, что ее точно в городе нет, а в лесу, и пошли с отрядом туда — в избу покойной Алиеноры. А там, оказывается, сидит тот самый, кто и убил ее: в его руках стоит принцесса, а нож приставлен к ее горлу, а повсюду окружили нас разбойники. Со смехом сказал он: «Опять ты, ну с кем ты на этот раз? Никакого покоя, наверное, покой получу после твоей смерти», — сказал он и набросился на меня. Звон мечей слышен был за километр, с каждым ударом с яростью бил, как по тем, кто издевался надо мной, так что чуть не прикончил его. Рыцари добили остальных, забрав принцессу, ушли, а я, разрубив, ушел, думая, что я легко отделался.На следу-

ющий день в мой дом постучали. Спросонья думая, что это Катерина, открыл дверь, а там рыцари — они схватили меня и на аудиенцию к королю. Кинув меня и приклонив на колени, я предстал пред королём. Он приказал встать и сказал: «Какие пожелания у тебя помимо руки моей дочери? Она и так даруется», — сказал он и ухмыльнулся. По лицу дочери было видно, что она ни во что не ставят, хоть и приодели перед аудиенцией. Я сказал: «О король достопочтенный, я обычный простолюдин, и первое, что я хочу, — это деньги и статус торговца и воина-наемника, и всё, большего я не пожелаю». А он ухмыльнулся и сказал: «Ахах, я дал слово, что отдам дочь — так и ее получишь, и деньги взамен тоже, и всё», — сказал и сделал по своему. Отказаться от подарка означало казнь, вот и пришлось взять.

Глава 17

Замок стоял в самом сердце Равенштайна. Вокруг простирались безупречные, ухоженные сады, под ногами белели гладкие мраморные плиты, а десятки слуг склоняли головы при моём приближении. Рядом была принцесса, ставшая моей женой. Король устроил пышную свадьбу в честь возвращения дочери и отдания её мне в жены, подарив этот замок. Внешне я получил всё, о чём только может мечтать человек.«Но Джулию я так и не нашёл» — эта единственная мысль жгла меня изнутри, не давая радоваться ни вину, ни почестям.На следующий день, используя всю полноту своей новой власти — власти, которая не приносила мне ни капли радости, — я отдал приказ перевернуть весь край. Найти её было почти невозможно, но поиски дали след. Я выкупил её. Я лично привез её в свой новый, утопающий в роскоши дворец.Когда я перенёс её через порог, она увидела, кем я стал. Едва шевеля сухими, потрескавшимися губами, Джулия тихо шепнула: — Я в вас верила, господин... Каждый мой день, каждый вздох без вас ощущался пыткой... Но я всегда знала. Я верила в вас. Прошу... берегите себя...Она потеряла сознание прямо у меня на руках. — Срочно лекаря! — крикнул я, срывая голос, и помчался к ней в свои покои.Но лекари были бессильны. Оказалось, её избивали до полусмерти, она не ела почти два месяца. Она угасла прямо у меня на руках, так

и не успев глотнуть новой, свободной жизни.С того самого дня я перестал чувствовать тепло солнца. Даже хлеб потерял свой вкус. Жизнь превратилась в сплошную серую пелену, и смысл продолжать этот путь просто исчез. Я стоял на краю, готовый сброситься вниз и покончить всё.Меня остановила Катерина. Она схватила меня, плача, и её слова пробили мою глухую броню: — Люциан, не смей! Я люблю тебя, брат! Мы прошли этот ад вместе, ты — единственный, кто у меня остался!В последний момент сестра удержала меня от страшной участи. И глядя в её заплаканные глаза, я понял: ради неё я буду жить дальше....Прошло много лет. В стенах замка родились и выросли дети Люциана. Он так и остался прежним весёлым парнем, но с тех пор и до самого последнего дня «Кромсатель» никогда не относился к простолюдинам плохо. Ибо он помнил, из какой грязи поднялся и какую цену за это заплатил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.